

РАЗВОРОТ

ОТКРОВЕНИЯ

Михаил Мейлах: Всё возвращается на круги своя

Учёный, писатель и «узник совести» — о том, что заставляет его снова и снова приезжать в Пермь

Юлия Баталина

Каждый год на Дягилевском фестивале можно встретить Михаила Борисовича Мейлаха — известного литератора, искусствоведа, преподавателя, до недавнего прошлого — профессора Страсбургского университета. Он — непременный участник симпозиума «Дягилевские чтения», а в нынешнем году его участие в фестивальной программе стало более активным: он написал эссе о Шестой симфонии Малера для фестивального буклета, а во время премьеры оперы для хора Tristia прочитал эпиграф к ней — небольшой отрывок из прозы Варлама Шаламова.

Участие Мейлаха в проекте Tristia, музыка к которому написана на стихи заключённых разных стран, — весьма символический жест: он не только выдающийся учёный, писатель и преподаватель, но и бывший «узник совести», вынужденно проводивший несколько лет в Пермской области, в исправительно-трудовом лагере «Пермь-36».

— Известно, что с Пермским краем у вас связаны не самые приятные воспоминания. Почему же вы всё время приезжаете сюда, проводите здесь много времени?

— Потому что кроме, как вы говорите, «тяжёлых воспоминаний», из которых я не делаю какой-то особенной истории — такое случалось со многими в то время, — здесь, в Перми, есть замечательные люди, замечательный, уникальный в мире фестиваль и есть невероятная природа — одной её, по-моему, достаточно, чтобы сюда возвращаться.

Многие годы я за одну поездку успевал побывать на Дягилевском фестивале, на фестивале «Пилорама», кото-

рой теперь, к сожалению, нет и больше не будет, и сплавлялся по уральским рекам, в частности по Чусовой. В этом году после Дягилевского фестиваля снова пойду на сплав.

— Как так получилось, что вы, будучи отпрыском такой прекрасной семьи, сыном одного из главных специалистов по творчеству Пушкина, гуманитарием, вдруг стали эзком?

— Ну, в семье не без урода, как известно! А вообще, это могло случиться со всяким в то время. Чем человек интеллигентнее — что я не специально к себе применяю, — тем больше у него было «шансов». У интеллигента круг интересов шире, он не будет удовлетворяться тем культурным «пайком», который был прописан советскому человеку. У него интересы куда обширнее, и в этот круг непременно попадёт то, что в те годы считалось асоветским или антисоветским, и грань между этими понятиями была очень зыбкая.

Допустим, Набоков был в принципе аполитичным, хотя, конечно, резко отрицательно относился к советской власти. У него нет каких-то специальных сочине-

ний против большевиков, но в одном из его романов есть, например, выражение «зелёная жижа ленинских мозгов». Из-за этой и нескольких подобных фраз он стал полностью непечатным в России.

Или, скажем, собрание сочинений Мандельштама. У него было одно-единственное антисоветское стихотворение, единственное политическое высказывание, из-за которого он, собственно, и погиб...

— «Мы живём, под собою не чуя страны...»

— Да, оно направлено прямо против Сталина. Сталин вообще-то боялся трогать поэтов, считал их кем-то вроде шаманов, но тут уж нельзя было не посадить, никак. Так вот, первое более-менее полное собрание сочинений Мандельштама, изданное в Соединённых Штатах, было запрещено не столько из-за самого Мандельштама, сколько из-за вступительных статей Глеба Струве и Бориса Филиппова — а это были полностью запрещённые авторы по причинам чисто политическим.

Я, кстати, в своё время обвинил суд в вандализме, поскольку трёхтомник Мандельштама приговорили к уничтожению. Были такие вполне средневековые, инквизиционные меры.

— То есть вы оказались в заключении из-за Набокова и Мандельштама?

— Нет, у меня, конечно, нашёлся «Архипелаг ГУЛАГ» и другие политически ангажированные вещи, хотя сам я политикой не интересовался.

— Сколько лет вы провели в «Перми-36»?

— Я должен был провести там вечность. Я не признал себя виновным,

поэтому мне дали семь лет колонии и пять лет ссылки — максимальный срок по статье, которая называлась очень смешно: «Антисоветская агитация и пропаганда в форме распространения заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй с целью ослабления советской власти». Я тогда говорил: «Что это за власть, которая может ослабнуть из-за каких-то книжек?»

Но в реальности я провёл там три года, поскольку попал в лагерь одним из последних — под самый занавес советской власти. Считается, что нас освободили в процессе перестройки, но перестройка в то время, в 1987 году, не зашла так далеко, чтобы впервые в истории СССР объявить амнистию политзаключённых. Это из Горбачёва выкололи Миттеран и Тэтчер, с которыми он хотел дружить, а они ему показывали списки политзаключённых. «Ну их к чёрту! — сказал Горбачёв. — Пусть идут домой!»

— Что собой представляла жизнь в лагере?

— Знаете, я в прошлом году впервые побывал в Польше и был в Аушвице... Конечно, советская зона — не концлагерь и не сталинские лагеря, не какая-нибудь Колыма, где люди выживали по шесть-семь месяцев: из них выбивали всё, что они могли сделать на стройках, а потом они умирали от голода и лишения. По сравнению с Аушвицем, со сталинскими лагерями «Пермь-36» — это лечебно-оздоровительное учреждение.

Но если не сравнивать с концлагерями... Там люди тоже, конечно, умирали. Там надо было быть здоровым.

Опера «Фиделио» в музее «Пермь-36»